

Томаселло, Витгенштейн, Выготский: проблема интерпсихического¹

А.Н. Кричевец

доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, профессор кафедры методологии психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Тема статьи — раннее психическое развитие ребенка в свете исследований двух классиков прошлого века и некоторых наших современников. Л.С. Выготский утверждал, что высшие психические функции, прежде чем усваиваются ребенком, пребывают в распределенном между ребенком и взрослым состоянии «как категория интерпсихическая». Однако эта продуктивная мысль была им развита в дальнейшем в очень узком смысле, и интерпсихическое было конкретизировано как выраженное в языке. Л. Витгенштейн убедительно показал, что овладение языком невозможно вне практического «показа» значений слов в рамках «языковых игр» — структур практической деятельности. Вместе с тем он утверждал, что теории этого процесса быть не может. М. Томаселло в работах уже нынешнего века показывает, что «языковые игры» осваиваются ребенком задолго до овладения звучащим языком, базируясь на жестах, которые, в свою очередь, опираются на совместные интенции и совместное внимание — т. е. на интерпсихическое в том смысле, в котором можно понимать высказывания Выготского. В статье разъясняется основная трудность разработки темы интерпсихического в психологической науке. Распределенная между взрослым и ребенком функция не может быть объективирована (именно попытка объективации и привела к сужению темы у Выготского). Более того, осмысление межсубъектного статуса каких-то форм психического наталкивает на мысль, что всякая психическая функция остается интерпсихической на всем протяжении своей жизни. На взгляд автора статьи, такое осмысление необходимо, но требует серьезных сдвигов в философско-методологическом освоении предмета изучения.

Ключевые слова: интериоризация, интерпсихическое, ранний онтогенез.

Появление русского перевода книги Майкла Томаселло «Истоки человеческого общения» [21] представляется мне значительным событием для отечественной культурно-исторической психологии. В книге дан анализ и обобщение результатов большого массива эмпирических исследований, объединенных ясной постановкой проблем: Как возможна человеческая коммуникация? Как развивающийся ребенок овладевает языком? Что определяет возможность овладения языком для ребенка, в отличие от приматов?

Я предполагаю рассматривать этот анализ в контексте работ авторов, которых Томаселло считает предшественниками, — Выготского и Витгенштейна. Связь с первым охарактеризована автором следующим образом: «Я заимствовал у Выготского основополагающую гипотезу о том, что большинство уникальных аспектов “высшего познания” или даже все они тем или иным способом происходят из социального взаимодействия и его интериоризации индивидом» [21, с. 26]². Что касается Витгенштейна, его присутствие более существенно: цитаты из «Философских исследований» предвзвешивают в качестве эпиграфов каждую главу книги.

Витгенштейн упоминается и в самом тексте несколько раз в связи с его разработкой прагматического «фона» языковой коммуникации (концепции «языковых игр»), т. е. в качестве идеолога подхода, наследником которого Томаселло себя считает.

Однако научное наследование является для нашей статьи лишь одной из тем. Главная же цель этой работы состоит в прояснении проблемы интериоризации, вокруг которой в психологической науке мы находим столь разнообразные подходы, что их критический анализ, может быть, приведет нас к довольно радикальным выводам даже о самой возможности научного ее решения.

1. Начнем с краткого изложения работы Томаселло. В первой главе цели книги даны в виде тезисов, которые я привожу полностью.

«1. Человеческая кооперативная коммуникация изначально возникла в ходе эволюции (и изначально возникает в ходе индивидуального развития) в форме естественных, спонтанных указательных жестов и пантомимической коммуникации.

2. Человеческая кооперативная коммуникация опирается, прежде всего, на психологическую базовую

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 10-03-00619а.

² В более ранней работе [22] Томаселло характеризует свой подход как *Vygotskian intelligence hypothesis*, однако речь в этой статье идет лишь о биологических предпосылках, об условиях возможности развития ребенка в культурной среде. В книге «Истоки человеческого общения» о *выготскианской* гипотезе Томаселло не упоминает.

структуру способности к совместным намерениям, сложившуюся в эволюции для поддержания совместной деятельности. К ней относятся в первую очередь:

(а) социально-когнитивные навыки создания совместных с другими людьми намерений и поддержания совместного внимания (и других форм общего смыслового контекста),

(б) просоциальные мотивы (и даже нормы) помогать другим и делиться с ними.

3. Коммуникация с использованием знаковых систем в том виде, как предполагают человеческие языки, возможна только тогда, когда у участников коммуникации уже имеются:

(а) естественные жесты и базовая структура способностей к разделению намерений,

(б) навыки культурного научения и подражания для создания и передачи другим совместно понимаемых коммуникативных условностей и конструкций» [21, с. 34].

В кратком изложении нельзя достичь должной убедительности, могу только засвидетельствовать, что аргументация Томаселло логична и проработана.

Первый тезис утверждает более важную роль жестовой коммуникации по сравнению с голосовой. Он подтверждается, во-первых, тем, что у приматов (в основном исследовались шимпанзе) голосовые сигналы суть только прямые выражения эмоционального состояния и не зависят от наличия внимающего им слушателя. Что касается жестовой коммуникации, здесь мы находим у шимпанзе довольно разнообразные средства привлечения внимания и сообщения о намерениях. В пользу тезиса говорит также и то, что искусственные языки, которым удавалось обучить обезьян, воспитывающихся в человеческом окружении, всегда базировались на жестах и изображениях и никогда — на звуках.

Во-вторых, у человеческих младенцев в возрасте 9 месяцев и старше (т. е. задолго до появления звуковой речи) появляются указательные жесты с весьма сложной семантикой. Грубо можно отнести цели указаний к трем сферам мотивов: *указание-требование*, *указание-информирование* и *указание с целью приобщения* (выражающее стремление разделить переживания или взгляды на вещи).

Первая категория мотивов обычно и считается базовой для указательного жеста. Томаселло утверждает, что это справедливо только для приматов. Он приводит полевые описания и экспериментальные результаты, несомненно свидетельствующие о наличии двух других мотивов уже у младенцев. Приведу пример весьма остроумного эксперимента.

Перед ребенком в некотором отдалении устанавливали новый интересный объект, и младенец ожидаемо указывал на него рукой. Реакция взрослого варьировалась: взрослый (1) смотрел на предмет, но не на ребенка; (2) выказывал положительную реакцию ребенку, но не смотрел на предмет; (3) ничего не делал; (4) переводил взгляд с младенца на событие, сопровождая это положительной эмоциональной реакцией. При всех условиях, кроме четвертого, ребенок

выказывал недовольство и повторял жест, пытаясь создать ситуацию совместного внимания. В ситуациях когда взрослый продолжал вести себя прежним образом, ребенок вскоре терял интерес к этому взрослому [21, с. 68].

Этот пример вместе с множеством других позволяют М. Томаселло утверждать, что «даже еще не начавшие говорить младенцы демонстрируют более сложную жестовую коммуникацию, нежели обезьяны, хотя нет явных оснований считать, что они в столь значительной степени превосходят их по своим мыслительным возможностям» [21, с. 79]. Эмпирические свидетельства такого типа показывают не только, что ребенок старается поделиться с взрослым своим отношением к происходящему, но и то, что за этим стоит не сводимый к практической пользе мотив коммуникации — мотив приобщения (отсутствующий у приматов). Один из экспериментов, правда, с более старшими (30 мес.) детьми остроумно демонстрирует это расхождение практической пользы и мотива приобщения.

В эксперименте создавались условия, при которых ребенок указывал взрослому на один из нескольких предметов, явно желая его получить. Взрослый делал вид, что не понял объект указания, брал другой предмет, не нужный ребенку, объяснял, что этот предмет нельзя дать ребенку и предлагал ему «взамен» именно тот, который и был реально указан. Ребенок получал то, что хотел, но выказывал неудовольствие и настойчивое желание «разъяснить» взрослому, что тот ошибся в интерпретации жеста [там же, с. 122].

Второй тезис подчеркивает, в частности, что проблема выделения референта указательного жеста не так проста, как может показаться. Томаселло неоднократно ссылается на известную работу В. Куайна [14], в которой тот подвергает сомнению мнимую простоту указания. Юмористический пример Куайна таков: носитель неизвестного нам языка указывает на бегущего кролика и произносит слово «гавагай». Кроме простейшей гипотезы о значении произнесенного слова — «кролик» — возможно, что говорящий имел в виду бег кролика или быстроту его бега, внезапное его появление, какую-то часть или аспект кролика и многое другое. Таким образом, дать остенсивное определение (определение с помощью указания) довольно трудно даже существительным, не говоря уже о глаголах, наречиях и местоимениях.

«Предположим, — пишет Томаселло, — что родитель и ребенок на прогулке видят внезапно появившееся на их пути животное, и родитель называет его. Можно было бы подумать, что ребенок связывает со словом то, что привлекает его внимание, — внезапно возникший предмет. Но дело обстоит не так просто даже в этой простой ситуации: в экспериментах показывается, что уже восемнадцатимесячный ребенок связывает со словом то, на что обращено внимание взрослого, когда тот произносит называющее слово, а не его собственное в предшествующий называнию

момент времени» [21, с. 142]. Я не буду множить описания остроумных экспериментов — они достаточно убедительно показывают, что ребенок реагирует на внимание взрослого (добавим, как и взрослый на внимание ребенка), и их общение происходит в среде разделенного, или совместного внимания (*shared attention*).

Описанная выше довольно искусственная ситуация называния не отражает главного средства организации совместного внимания, совместной деятельности. Первоначально к таким совместным действиям с младенцем относятся самые обычные — пообедать, сменить подгузник, убрать игрушки и т. п. Но происходящие при этом процессы более сложные, чем отслеживание ребенком внимания взрослого, направленного просто на предметы (которое в виде прослеживания взгляда появляется очень рано — уже около шестимесячного возраста). Здесь речь идет о понимании цели действий, об общих интенциях, которые позволяют понимать референты не только существительных, но и, например, глаголов. Ведь глаголы, описывающие активность человека, требуют для понимания их значения понимания цели и иных субъективных обстоятельств действия, отражаемых сопутствующими наречиями и т. п.³

Томаселло ничего не говорит, как возникает общее для ребенка и взрослого понимание ситуации — *совместная интенциональность*. Он отмечает только, что и приматы имеют представление о намерениях своих сородичей, и что у младенца в определенном возрасте также можно обнаружить такое понимание. Позже это понимание развивается в важное представление о субъективном мире другого человека, о границах его восприятия и знания и т. п.

Значительно больше Томаселло пишет о происхождении просоциальных мотивов — помогать другим и делиться с ними. Не только весьма раннее появление у младенцев попыток информировать окружающих об интересующих этих людей обстоятельствах Томаселло противопоставляет отсутствию альтруистического информирования у приматов, но и выдвигает гипотезу об эволюционном происхождении этого альтруистического информирования и других альтруистических форм поведения у человека. В сопоставлении с приматами человеческая склонность к сотрудничеству выглядит результатом качественного скачка, и именно она служит фундаментом для развития языка — как языка жестов, так и звучащего языка.

Суть дела состоит в том, что сотрудничество, согласование и постановка общих целей, с одной стороны, стимулируют развитие языка информирования (а он, в свою очередь, нуждается в «серьезном» синтаксисе), а с другой стороны, полезны индивиду только тогда, когда являются взаимными и обеспечиваются в его окружении просоциальными мотивами и нормами (второй подпункт второго тезиса).

В отсутствие взаимности просоциальный индивид не получает преимущества (скорее, даже наоборот, находится в невыгодном положении). У приматов обычной практикой после коллективного добывания пищи бывает драка за эту пищу, что демотивирует возможные просоциальные тенденции у отдельных индивидов. В экспериментах над обезьянами показывается, что в случаях когда конкуренция при успехе совместной деятельности искусственно понижается (например, «сотрудники» добывают сразу два равных куска пищи), то и согласованность действий повышается. Она также повышается, если совместные задания должны выполнить менее конкурирующие пары индивидов.

Это позволяет Томаселло объяснить происхождение просоциальных склонностей человека, введя в рассмотрение «репутацию» индивида. Тот индивид, который проявляет большую склонность к альтруистическому поведению, чаще вовлекается в совместные действия и благодаря этому получает соответствующее преимущество. Варьирование же врожденной склонности к просоциальному поведению объясняется случайной изменчивостью.

Третий тезис говорит о необходимых условиях возникновения полноценной языковой коммуникации. К ним относятся, во-первых, естественные жесты и базовая структура способностей к разделению намерений и, во-вторых, навыки культурного научения и подражания для создания и передачи другим совместно понимаемых коммуникативных условностей и конструкций (Томаселло употребляет слово «навык» (*skill*); на мой взгляд, уместнее было бы говорить о способности). О разделенных намерениях выше сказано уже достаточно, перейдем к подражанию. В контексте закрепления конвенциональных языковых средств речь идет не просто о зеркальном подражании (которое в чистом виде встречается разве что у младенцев первых дней жизни), а о подражании осмысленным паттернам поведения. Томаселло указывает, что «конвенциональность» языковых знаков вообще не следует понимать буквально, поскольку в фило- и онтогенезе для заключения подобных конвенций потребовались бы языковые средства более мощные, чем те, по поводу которых заключается соглашение [21, с. 189].

Это значит, что подражающий ребенок должен схватывать одновременно смысл ситуации, обозначающие ее слова и, кроме того и важнее того, должен уметь обмениваться ролями в подобных ситуациях, когда они возникают. Таким образом, мы обнаруживаем еще одну способность, которая не зависит по крайней мере прямо от перечисленных способностей к просоциальному поведению и образованию совместного внимания и интенций. Ссылаясь на Витгенштейна, но в полной мере обосновывая этот тезис в собственном тексте, Томаселло пишет: «Языковой «код» опирается на неязыковую базовую структуру

³ Например, если мать говорит ребенку «пойдем в магазин», то референт глагола связан с движением, которое еще не началось, а референт существительного станет явным вообще через довольно продолжительное время.

понимания намерений и общего смыслового контекста, которая на самом деле логически первична» [там же, с. 68].

То что понимание намерений логически должно предшествовать усвоению сложных языковых форм, не вызывает у меня возражений. Однако значит ли это, что такое предшествование должно обнаруживаться эмпирически в онтогенезе? И если оно к тому же обнаруживается эмпирически, свидетельствует ли это, что понимание намерений является «причиной» усвоения языка? Надо заметить, что оснований для таких выводов у нас недостаточно. Более того, часть выводов Томаселло, на мой взгляд, неверна, причем неверна таким странным образом, что возникает вопрос о возможной претензии на истинность теоретических утверждений в этой области вообще.

II. Как я уже писал, Томаселло предвещает каждую главу выдержкой из работ «позднего» Витгенштейна. Томаселло опирается на витгенштейнову концепцию «языковых игр», к которой мы теперь и перейдем. Надо сказать, что быть конкретно-научным продолжателем идей Витгенштейна трудно и даже невозможно, поскольку пафос его работ состоит в критике всякой попытки объяснения феномена языковой коммуникации. Приведу первые слова предисловия к изданию «Философских исследований»: «Мысли, которые я публикую ниже, суть итог философских размышлений, занимавших меня последние шестнадцать лет. Они касаются многих предметов: понятий значения, понимания, суждения, логики, оснований математики, состояний сознания и прочего. Я записывал эти мысли как замечания, короткими абзацами, из которых иногда выстраивались довольно длинные цепочки, посвященные конкретной теме, а порой налицо внезапные изменения и резкие переходы к другим темам. Моим намерением было изначально собрать мысли воедино в книге, форму которой я представлял по-разному в разное время. Но важна не форма, а тот факт, что мысли должны переходить от предмета к предмету в естественном порядке и последовательно.

После нескольких неудачных попыток объединить итог размышлений в целое я понял, что никогда не добьюсь успеха. Мне никогда не написать что-либо лучше философских замечаний; мои мысли быстро теряют нить, если сосредоточиться на каком-то единственном предмете, вопреки естественным предпочтениям. И это, конечно, связано с природой самого исследования» [5, с. 13].

Действительно, текст «Философских исследований» скорее эвристичен, чем систематичен, и вызвано это принципиальной позицией автора. В параграфе 109 части I Витгенштейн указывает: «Верно утверждать, что наши рассуждения могут и не быть научными⁴ ...и вероятно, что нам нет необходимости развивать какую-либо теорию. В нашем рассмотрении не должно быть ничего гипотетического. Мы должны устранить *объяснение*, его место займет сугубо описание» [там же, с. 81]. Дальше Витгенштейн пишет, что философские проблемы решаются не через приобретение нового опыта, а путем упорядочения уже давно известного. Витгенштейн не собирается искать ответ на вопрос о происхождении языка или об овладении языком в онтогенезе. Он утверждает в сотнях коротких высказываний, что понимание языковых выражений и овладение языковыми значениями возможно только в контексте деятельности, в которую речь вплетается. Эту пронизанную языком деятельность Витгенштейн называет языковой игрой⁵. Можно дать такое определение: языковые игры — это «конституируемые неким правилом поведения единства языкового употребления, жизненной формы и освоения мира» [1, с. 85]. К.-О. Апель, которому принадлежит приведенное определение, пишет, что такое понимание концепции Витгенштейна «мало-помалу вырисовывается в витгенштейновских примерах» [там же] — сам Витгенштейн определения не дает. Он лишь утверждает, что вне деятельностного контекста вообще не имеет смысла говорить о значении слов⁶. Однако Витгенштейн нигде не пытается объяснить, как возможно для ребенка вступить в какую бы то ни было языковую игру, так сказать, на новеньких, хотя нам становится понятно, что овладеть игрой (деятельностью) нисколько не проще, чем значениями слов вне деятельностного контекста⁷. Витгенштейн же, продолжая игру со словами, настаивает, что игра связана с правилами и что проблема вхождения в игру может быть переформулирована как проблема следования правилу. Здесь в заметках Витгенштейна мы находим точные аргументы, утверждающие, что эти правила не могут быть сформулированы эксплицитно, если в распоряжении того, кто в игру входит, нет средств коммуникации более сильных, чем те, которые надлежит задать требуемым правилом. Таким образом, наращивание смысловой мощи языковых игр не может происходить благодаря формулированию каких бы то ни было правил. По мнению Вит-

⁴ В оригинале «Our considerations could not be scientific ones... And we may not advance any kind of theory». Мне кажется, что правильный перевод: «Наши рассуждения не могут быть научными... и мы не можем развивать теорию в каком-либо виде».

⁵ Наименование «языковая игра» кажется мне крайне неудачным. Слово «игра» употребляется Витгенштейном в каком-то, на мой взгляд, неуместном, снижающем смысле. Лучше звучит употребляемое Витгенштейном выражение «форма жизни», которое можно было бы дополнить: «связанная с употреблением языка форма жизни». Подошла бы «связанная с языком практика». Однако опасаясь, что именно броское и снижающее слово «игра» содействовало популярности работы Витгенштейна в склонное к снижению и деконструкции время. С этими оговорками я все же буду употреблять слова «языковая игра» в разделе о Витгенштейне.

⁶ Для отечественной психологии такое утверждение не выглядит шокирующим. Радикализм Витгенштейна состоит в том, что он отказывает слову в идеальном значении, вообще отрицая возможность идеального как некоторого постоянства, не заданного чувственно.

⁷ Естественным для естественных наук было бы предположение о врожденной способности к такому вхождению, т. е. расширение теории Хомского о врожденной языковой способности до теории врожденной способности к языковым играм. Это, однако, ничего бы не объяснило и означало бы только овеществление логически необходимого условия. Этой теме были посвящены мои прежние работы [11; 12] о натуралистических трактовках кантовских априорных форм.

генштейна, это возможно благодаря демонстрации, показу. Точнее говоря, *в показе*, а не *благодаря* ему, поскольку причинную связь здесь не следует усматривать.

Но показ в не меньшей степени, чем звучащее слово, требует согласованности интенций, что явным образом следует из примера Куайна.

Мы можем теперь вернуться к Томаселло и, возможно, понять одно странное обстоятельство: он не пытается объяснять происхождения совместной интенциональности, а лишь констатирует ее эмпирическое и логическое предшествование овладению звучащим языком, так же как, по-видимому, и жестовым, хотя, с другой стороны, по поводу происхождения мотивации к сотрудничеству Томаселло выдвигает гипотезу, опирающуюся на эволюционные аргументы в духе Дарвина, и посвящает ей целую главу книги. Не буду отвлекать читателя критикой этой гипотезы, здесь гораздо важнее, что о происхождении совместной интенциональности гипотезу не удастся даже сформулировать. С моей точки зрения, пройти в этом вопросе дальше витгенштейновых скетчей можно, только серьезно расширив взгляд на интересующий нас вопрос: что мы называем совместной интенциональностью? Далее мы будем связывать этот вопрос с вопросом об *интерпсихическом* в работах Л.С. Выготского.

III. «Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом — психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая... За всеми высшими функциями, их отношениями генетически стоят социальные отношения, реальные отношения людей» [5, с. 145]. Этот фрагмент из «Истории развития высших психических функций» Выготского цитируется, вероятно, чаще других его текстов. Это принципиальное утверждение, и можно найти несколько десятков похожих высказываний в других его работах. Отметим, что в приведенной выше формулировке статус *интерпсихического* не определен. В большинстве же случаев общая тенденция Выготского — интерпретировать интерпсихическое как коммуникацию, выражаемую в языке.

Приведу пример: «Всякая система, о которой я говорю, проходит три этапа. Сначала интерпсихологический — я приказываю, вы выполняете, затем экстрапсихологический — я начинаю говорить сам себе, затем интрапсихологический — два пункта мозга, которые извне возбуждаются, имеют тенденцию действовать в единой системе и превращаются в интракортикальный пункт» [7, с. 130]. Делая акцент на употребление языка и, шире, иных знаков, Выготский старается параллельно решать еще одну задачу — он говорит, что ребенок с помощью знаковых средств овладевает своими психическими функциями.

Высшие психические функции выделяются, следовательно, сразу по двум основаниям: как интериоризованные культурные формы поведения (причем интериоризация происходит через речь) и как функции, которыми ребенок овладел (с помощью знаков, в основном, речевых).

Сразу обращу внимание, что у Томаселло *интерпсихическое* появляется на сцену еще на доречевой стадии развития ребенка — в виде совместных интенций и разделенного с взрослым внимания. Для Выготского, по-видимому, такой поворот темы был затруднен обстоятельствами идеологического плана. Не один раз в его работах встречаются высказывания вроде следующего: «Подобно тому как он [человек] подчиняет себе действия внешних сил природы, он подчиняет себе и собственные процессы поведения на основе естественных законов этого поведения. Так как основой естественных законов поведения являются законы стимулов-реакций, то поэтому реакцией невозможно овладеть, пока не овладеешь стимулом. Следовательно, ребенок овладевает своим поведением, но ключ к этому лежит в овладении системой стимулов» [6, с. 154].

В другом месте Выготский разъясняет: «Стоит нам допустить, что психический процесс может хоть на одну миллионную долю сдвинуть мозговой атом, — и весь закон сохранения энергии оказывается нарушенным, т. е. мы сразу должны отказаться от основного принципа естествознания, на котором строится вся современная наука» [там же, с. 279]. Подобно тому как Декарт пытается ввести во взаимодействие две свои субстанции на шишковидной железе (хотя способ, каким мышление может изменять пространственное положение небольшой части человеческого тела, не выглядит более понятным, чем воздействие мышления на все тело разом и даже на внешние для этого тела предметы), так и овладение стимулом не выглядит более доступным для развивающегося ребенка, чем овладение сразу и непосредственно реакцией (слово ведь надо произнести, узелок на память завязать, а для этого надо «овладеть» какими-то исполнительными органами). Однако это замечание верно только в контексте психофизической проблемы, которая, судя по последней цитате, была для Выготского важной, — и я считаю, что схема овладения стимулом для опосредованного овладения реакцией ни в коем случае не приближает нас к ее решению. Но несмотря на это схема может быть эмпирически верна! То есть ребенок, овладевающий речью, может речь использовать так, как это описано Выготским, — сначала подавая себе команды, а затем уже действуя непосредственно, без внешней речи⁸.

А.М. Матюшкин пишет в послесловии к публикации «Истории развития высших психических функций» в шеститомном издании, на которое мы здесь опираемся: «Формирование указанных положений о

⁸ Подобным же образом теория регуляции движений Н.А. Бернштейна, утверждая, что в многоуровневой системе, управляющей движением, осознается только самый верхний уровень управления, не дает решения психофизической проблемы (кажется, сам Бернштейн, в отличие от Выготского, нигде не отмечал связи своей теории с этой проблемой), но оказывается по меньшей мере полезной и эвристичной.

социальной детерминации психики как знаковым опосредовании позволило Выготскому наметить линии исследования операционального строения высших психических функций, но ограничило возможности изучения психических процессов, состояний и т. п.» [15, с. 346]. Выготский преимущественно рассматривал общение, опосредованное знаком, в первую очередь языковым, что позволило, правда, объединить тему *интерпсихического* с темой овладения субъектом своим поведением, но оставило недоступным доязыковое общение в раннем онтогенезе. Это сужение и уход от раннего онтогенеза неудивительны, если учесть, что *интерпсихическое* в доязыковой форме значительно труднее уловить, чем связь собеседников в разговоре⁹. Работы Томаселло и других исследователей раннего онтогенеза продвигают нас именно в этом направлении. Но прежде чем вернуться к этим работам, проясним суть проблемы *интерпсихического*, которая столь серьезно встает в исследованиях раннего онтогенеза.

IV. Четверть века назад вышедшая работа Г.А. Ковалева и Л.А. Радзиховского «Общение и проблема интериоризации» осталась практически незамеченной. Между тем в ней вопрос о статусе *интерпсихического* поставлен совершенно четко. Авторы показывают, что эволюция понятия *интериоризация* в советской психологии была драматически предопределена. «Тот факт, что теория поэтапного формирования стала выступать как теория интериоризации, далеко не случаен. Переход к подобной теории, главное же, отход от представлений об интериоризации, развивавшихся Л.С. Выготским, был неизбежен. Дело в том, что в представлениях Л.С. Выготского об интериоризации центральное место занимало общение. «Схватить» же категорию общения ни Л.С. Выготскому, ни его последователям не удалось. Выход нашелся лишь в том, чтобы «расторгнуть связь» интериоризации с общением» [10, с. 114]. Трудность состоит в следующем: функция, существующая между людьми, интерпсихически не может быть «прикреплена» к индивиду. Но кто же тогда ее «владелец»?

Либо, утверждают авторы, мы рассматриваем психическую функцию как индивидуальную, и тогда фиксация общения имеет лишь тот, весьма банальный, психологический смысл, что общение (как и любые иные факторы) как-то извне влияет на психическую функцию ребенка. «Либо мы утверждаем, что в раннем онтогенезе психическая функция существует в межсубъектном пространстве, а затем, сохраняя принципиальную межсубъективность своего строения (т. е. сохраняя «функцию общения»), «вращивается» в психику ребенка, интериоризируется, задавая базовую структуру человеческого сознания»

[там же, с. 117]. Второй вариант противоречит традиции и для своего подкрепления требует разработки новой методологии психологического анализа, такой, чтобы можно было наполнить реальным психологическим содержанием события, происходящие в межсубъектном пространстве, — пишут они¹⁰.

Я полностью согласен с этой радикальной формулировкой. Добавлю, что всякие попытки подойти к проблеме со стороны внутреннего диалога уводят от нашей проблемы — внутренний диалог есть *результат* интериоризации *внешних* голосов, и Бахтин, на которого обычно ссылаются в этом контексте, на мой взгляд, ничем не может помочь в прояснении статуса *интерпсихического*. Напротив, диалогичность сознания нуждается еще в прояснении со стороны более четкого понимания последнего.

V. Теперь мы можем вернуться к Томаселло. Можно констатировать, что его работы (так же как и многие другие современные работы, посвященные раннему онтогенезу — см.: [20], — это шаг в сторону довербального *интерпсихического*: совместная интенциональность и общее внимание двух (или более) людей, несомненно, являются его манифестациями. Однако три оговорки необходимо сделать:

1. Разделенное внимание и совместная интенциональность, как показывает *способ аргументации* Куайна и ссылающегося на его работу Томаселло, суть логические условия возможности вербальной коммуникации. В нормальном онтогенезе они являют себя в виде прослеживания ребенком взгляда взрослого, в виде подражания его действиям и т. п. Однако считать, что именно *эти явленные признаки присутствия* совместных внимания и интенциональности суть необходимые условия появления вербального языка, по-моему, логически неосновательно и эмпирически неверно. Логически неосновательно, поскольку наличие отношения «необходимое условие — обусловленное» говорит только о системной связи, которое не обязано воплощаться в причинную связь и даже просто предшествование условия во времени¹¹. Таким образом, совместное внимание (не говоря уже о его частных явлениях типа прослеживания направления взгляда) может возникать в самом процессе овладения языком, тесно с ним сплетаясь.

Эмпирически предшествование жестового и пантомимического языка звуковому языку подтверждено исследованиями Томаселло практически только в случаях онтогенеза в норме (для глухих звучащий язык вообще не может быть первичным). Однако существует множество примеров, когда жестовый язык просто не может возникнуть, а ребенок тем не менее овладевает звучащим языком.

⁹ За чертой оказывается не только теория Выготского, но и диалогизм Бахтина, также центрирующийся на высказанном в слове. Мысль Бахтина, что интеллектуальная жизнь человека не является его суверенной территорией [3, с. 194], верна в гораздо более общем виде, чем представлялось Бахтину, склонному описывать внутренний мир человека как поприще столкновений intersubъективных идей (т. е. чего-то высказываемого и высказанного). Я бы сказал резче: содержания нашего сознания принадлежат не только нам.

¹⁰ Столь же определенно высказывается А.А. Пузырей: «Разделенная и распределенная между двумя людьми функция есть уже высшая психическая функция в своей исходной и, повторю — основной форме» [18, с. 223].

¹¹ «Не бывает дыма без огня» означает, что огонь есть необходимое условие наличия дыма. При этом огонь появляется вместе с дымом и оба они суть следствия горения. По времени они следуют за возгоранием (системной причиной), но не друг за другом.

К первому виду примеров относится развитие незрячих от рождения детей. Ясно, что язык жестов не может играть в их развитии какой-либо роли.

Ко второму относятся дети с двигательными нарушениями, которые закрывают для них возможность использовать жесты (хотя они могут видеть жесты других людей). Мне известна девушка (диагноз — спастическая диплегия), которая не только не могла производить целенаправленных движений, но и прослеживание взгляда было для нее весьма затруднено тем, что она даже на короткое время была не в состоянии зафиксировать взгляд в одной точке. Тем не менее она вполне уверенно владеет звучащим языком. Добавлю, что мне известны также люди с тяжелыми тетрапарезами, которые не могут не только сделать целенаправленного жеста, но даже издавать членораздельные звуки. При этом они понимают речь (устную и письменную) и могут быть обучены письменной речи с помощью специальных средств. Эти примеры ограничивают также и теорию Выготского, поскольку для таких людей, по-видимому, внешняя речь не может быть посредником между общением и внутренней речью, т. е. овладение собственным поведением осуществляется ими без использования (по крайней мере видимых и слышимых) внешних знаков.

То что даже слепоглохие от рождения дети могут быть социализированы, показывает, что в качестве чувственной опоры совместной деятельности и совместного внимания могут использоваться даже кожная чувствительность и проприоцепция.

2. Рассматривая работы Томаселло и его коллег в свете проблемы *интерпсихического*, мы обнаруживаем, что все проблемное поле может быть увидено в совершенно новой перспективе. Вслед за Ковалевым, Радзиховским и Пузыреем я считаю, что интерпсихическое состояние предшествует интрапсихическому состоянию функции (хотя бы только логически)¹², и более того, интрапсихическое состояние — лишь модус «исходного и основного» интерпсихического состояния. В этом случае онтогенез представляет собой овладение не только своими психическими функциями, но и разделенными с другими людьми. Активное Я возникает не только надстраиваясь над своими физиологическими задатками, но и овладевая возможностями действия, так сказать, на своем конце диадической (и полиадической) связи¹³. Данный исходный процесс и порождает совместную деятельность (хотя бы только логически) — для того чтобы деятельность была *совместной*, необходима эта инстанция, овладевшая деятельностью «на своем конце» диады.

Конечный «продукт» этого процесса не есть некая сущность, которую просто сделать предметом исследова-

ния. Я согласен с В.А. Петровским, который склонен рассматривать «Я» как идею¹⁴, как своего рода самоподдерживающий прогноз, самосбывающееся пророчество [17]. Вполне в духе такого видения можно утверждать, что совместное владение интерпсихическими функциями возможно, хотя такую структуру совсем не просто «схватить» приемлемыми языковыми средствами. Однако, как мне представляется, это продуктивный путь. Ж.-П. Сартр писал, что отношение «Я-Другой» есть взаимодействие бытия с бытием, а не сознания с сознанием [19, с. 267]. Не исходящий от Другого стимул, который фиксируется сознанием и затем приводит к изменению его состояния, есть акт, реализующий отношение «Я-Другой». На языке психологии это отношение можно описать так: мое психическое состояние непосредственно (и иногда целенаправленно) модифицируется Другим, а сознание обнаруживает этот свершившийся факт. Подобным образом возникают не только страх и стыд, которые в основном интересовали Сартра, но и совместные цели и даже внимание¹⁵. Наши состояния не являются полностью нашими по источнику их порождения. Другой человек непосредственно и часто целенаправленно их старается изменить. Однако интересующие взаимодействия (1) это не только более или менее прямые воздействия одного человека на другого; (2) они не являются всего лишь исходной формой будущих интрапсихических функций и не остаются в детстве, замещаясь последними; (3) они реализуются не только с помощью знаковых средств¹⁶ (Томаселло как раз и указывает на до-знаковые «заготовки» и первичные формы интересующих взаимодействий). Мы живем в поле интересующих взаимодействий, владея одним лишь узлом этого поля. Как можно концептуализировать это владение, — трудный вопрос для психологии и философии.

Ребенок, развиваясь и взрослея, научается жить с многообразными влияниями на свои состояния, не считая большинство из них вторжениями и нарушениями суверенных прав. Однако проведение границы между приемлемыми воздействиями и нарушениями, которым следует противостоять, для развивающегося младенца нетривиальная задача, где могут быть совершены ошибки, приводящие к патологии.

Но в таком случае для исследований раннего онтогенеза появляется еще один интересный вопрос. Поскольку речь не идет о Я как преданной сущности, то возникающее Я может по-разному проводить границу между собой и Другим в теле интерпсихических функций. Эта граница может быть проведена слишком близко: всякое приглашение к совместной деятельности будет восприниматься тогда как наси-

¹² Здесь и далее говоря «хотя бы только логически», я имею в виду, что в едином системном процессе логически предшествующее не может возникать позже, но может развиваться параллельно своему логическому следствию.

¹³ Подобно тому как палка является функциональным продолжением руки, для спортсмена его снаряд также является продолжением тела и включается в его схему. В водном слаломе два спортсмена владеют неким сиамским образом одним каноэ, продолжающим два тела. Это достаточно серьезный пример того типа, который нас интересует.

¹⁴ *Только идея*, как сказал бы Кант.

¹⁵ Взгляды Сартра и Мерло-Понти на интересующую нас тему более подробно изложены в: [13].

¹⁶ Пункт 1 отличает изложенную в статье позицию от сартровской, пп. 2 и 3 могут быть противопоставлены четко изложенной в статье [16, с. 58] позиции Б.Г. Мещерякова, в которой систематизируются взгляды Выготского по нашей проблеме.

лие и отвергаться. В противоположном случае она может быть проведена слишком далеко, и тогда «Я» будет считать своим порождением всякое изменение состояния, возникшее в интерпсихическом пространстве, т. е. фактически Я будет недоразвито, чересчур внушаемо в сравнении с нормой. Клинические примеры такого рода описаны М.Л. Дунайкиным [9] и связаны им с недостаточной или избыточной эмоциональной синтонностью. Грубый недостаток синтонности, очевидно, может быть связан с аутистическим типом развития. Однако и ее избыток может приводить к нарушениям общения, которые также квалифицируются как аутизм (последнее утверждение М.Л. Дунайкина еще не опубликовано).

3. Томаселло справедливо указывает на чрезвычайно тесную связь звуковой экспрессии с эмоциональным состоянием (как у приматов, так и у маленьких детей), что делает невозможным, по его мнению, использование звуков как первого языка общения. Однако коммуникация матери с младенцем охватывает не только и даже не столько предметный, но и эмоциональный план взаимодействия. Легко видеть, что на уровне выражающих эмоциональное состояние звуков общение ведется с младенцем самого раннего возраста. Далее младенец использует вокализации как средство беспредметного общения (гуление и лепет), в котором человеческие интонации уже вполне отчетливо слышны (причем приобщение к состоянию, о котором пишет Томаселло в связи с жестами, происходит здесь даже более непосредственно). Таким образом, интонационная компонента речи может развиваться и в норме развивается у ребенка параллельно с жестовой коммуникацией¹⁷.

VI. Заключение. Исследования раннего онтогенеза, столь многочисленные и успешные в последние десятилетия, видное место в ряду которых занимают работы М. Томаселло, вскрывают проблемы философско-методологического характера, которые я намеревался здесь прояснить. Смысловой центр этих проблем: интерпсихическое, которое появляется на сцене в знаменитом высказывании Л.С. Выготского (и достаточно многочисленных его повторениях). Сам Выготский конкретизировал в дальнейших работах интерпсихическое как социальное, выраженное в слове. Более того, как вполне ясно показала в своей статье [2] Т.В. Ахутина¹⁸, его научные интересы двигались ко все более высоким этажам языка и речи: от знака как такового (в том числе узелка на память и жребия — знаков без значения, как писал Выготский) к значениям и смыслам, т. е. фактически ко все более поздним этапам развития ребенка. Таким образом, *интерпсихическое* в его бессловесной форме жизни не стало для Выготского основным предметом интереса.

Исследования раннего онтогенеза возвращают нас к оставленной Выготским теме. Однако, как

справедливо заметили Г.А. Ковалев и Л.А. Радзиховский, развитие этой темы связано с большими и принципиальными трудностями, и возможно даже, что задача описания развития психических функций как «присвоения» функций интерпсихических вообще не по силам психологической науке. К такому же выводу можно прийти, двигаясь со стороны «Философских исследований» Витгенштейна, который стремится лишь прояснить постановку вопроса, считая, что теория овладения языком, как и теория вхождения в совместную деятельность, вообще не может быть построена.

Если согласиться с этим утверждением известного философа, то что же вообще могут дать исследования, подобные проведенному М. Томаселло?

Вернемся на шаг назад, к Выготскому, к его пониманию интериоризации и знакового опосредования в развитии высших психических функций. Как совершенно ясно описала в упомянутой статье Т.В. Ахутина [2], эти теоретические соображения вполне адекватны коррекционной практике нейропсихологов, занимающихся проблемами готовности к школьному обучению и трудностями обучения в младшем школьном возрасте. Именно там с помощью знакового опосредования в совместной деятельности психолога и ученика удается «вратить» внешне заданные способы работы ученика с коррекционным материалом в интрапсихическое состояние, т. е. развить дефицитные высшие психические функции.

Работает ли так понимаемый метод интериоризации в других ситуациях? Отнюдь не всегда. Например, совершенно иначе идет коррекционная работа с детьми-аутистами. Здесь в качестве теоретического ориентира будет уместнее теория Томаселло: коррекционная работа с аутистом невозможна, пока не будет достаточно развито поле совместного внимания и совместных интенций в общей деятельности ребенка и педагога. В случае развития нормального ребенка, замечу, воспитатель отнюдь не сразу навязывает ребенку свой уровень осмысления совместной деятельности. Социальная традиция поддерживает различные редукции смысловых структур воспитателя, ставящие его «на один уровень» с ребенком. Это и особые игры, и урезанные и искаженные языки общения с ребенком¹⁹. В коррекционной работе с аутистами этот привычный в норме и потому малозаметный процесс приобретает только более отчетливые формы. Взрослый еще должен пристроиться к ребенку, педагог еще должен войти в интерпсихический контакт с аутистом.

Таким образом, знаменитое высказывание Выготского может быть дополнено: до того как функция появляется на сцену как интерпсихическая, ребенок и взрослый должны войти в диадю. Это вхождение происходит естественно и незаметно в норме, но требует специальных усилий в особых случаях.

¹⁷ Я благодарен Л.М. Зельдину, который обратил мое внимание на это обстоятельство.

¹⁸ Отмечу весьма добротный перевод книги Томаселло, выполненный под редакцией Т.В. Ахутиной.

¹⁹ В настоящее время растет интерес к ним со стороны когнитивной науки.

В дискуссиях с учениками и последователями Л.С. Выготского ученики и последователи С.Л. Рубинштейна указывали на недооценку в теориях первых роли собственной активности субъекта, указывали на нераздельность биологического (природного) и социального в развитии ребенка. На мой взгляд, «интенциональное взаимопроникновение субъектов»²⁰ недооценено обеими школами. Современные исследователи, к числу которых относится и М. Томаселло, уже работают в теме *интерпсихи-*

ческого, однако принципиальные трудности освоения темы, кажется, ими не осознаются. На мой взгляд, теория, *объясняющая* раннее развитие ребенка, невозможна, поскольку в основе процесса развития лежит *интерпсихическое*, которое, как мне представляется, вообще не допускает объективации. Это не значит, что имеющиеся и возникающие теории бесполезны с практической точки зрения, однако их статус нуждается в дальнейшей методологической проработке.

Литература

1. *Апель К.-О.* Трансформация философии. М., 2001.
2. *Ахутина Т.В.* Л.С. Выготский: культурно-исторический и естественно-научный подходы к интериоризации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2004. № 3.
3. *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994.
4. *Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
5. *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М., 2010.
6. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1983.
7. *Выготский Л.С.* О психологических системах // Выготский Л.С. Соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982.
8. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004.
9. *Дунайкин М.Л.* Нейропсихологический анализ нарушений психического развития детей первого года жизни с перинатальным поражением мозга: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2002.
10. *Ковалев Г.А., Радзиховский Л.А.* Общение и проблема интериоризации // Вопросы психологии. 1985. № 1.
11. *Кричевец А.Н.* Априори, способность суждения и эстетика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1996. № 3.
12. *Кричевец А.Н.* Об априорности, открытых программах и эволюции // Вопросы философии. 1997. № 6.
13. *Кричевец А.Н.* Cogito, Другой и представления о психическом // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 5 (13). URL: <http://psystudy.ru>.
14. *Куайн В.* Онтологическая относительность // Современная философия науки. М., 1996.
15. *Матюшкин А.М.* Послесловие // Выготский Л.С. Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1983.
16. *Мецераков Б.Г.* Стадии развития ВПФ и их эмпирические референты: реконструкция имплицитной концепции Л.С. Выготского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2004. № 3.
17. *Петровский В.А.* Мысль? — да! Но существую ли? // Культурно-историческая психология. 2011. № 3.
18. *Пузырей А.А.* Психология. Психотехника. Психагогика. М., 2005.
19. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. М., 2000.
20. *Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М., 2006.
21. *Томаселло М.* Истоки человеческого общения. М., 2011.
22. *Moll H., Tomasello M.* Cooperation and human cognition: the Vygotskian intelligence hypothesis // Phil. Trans. R. Soc. B. 2007. № 362.

²⁰ Э. Гуссерль говорит о всеобщей взаимосвязи всех душ, «где все едины не внешне, а внутренне, именно благодаря интенциональному взаимопроникновению в ходе формирования общности их жизни» [8, с. 336].

Tomasello, Wittgenstein, Vygotsky: The Problem of Interpsychic

A.N. Krichevets

PhD in Philosophy, PhD in Physics and Maths, professor at the Department of Psychological Methodology,
Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

The author addresses the issues of early mental development in children basing on the works of two classical researchers of the past century and on some of our contemporaries. Vygotsky argued that higher mental functions are distributed between the child and adult and exist as an 'interpsychic category' prior to being acquainted by the child. However, Vygotsky further developed this productive thought in a rather narrow sense, referring to 'interpsychic' as something expressed in language. Wittgenstein proved that language acquisition is impossible without meanings of words being practically 'shown' in 'language games' — structures of practical activity. He argued, however, that there can be no theory of this process. In his works published in this current century Tomasello states that children actually acquire 'language games' long before they acquire language itself, basing on signs which, in turn, are based on joint intentions and joint attention — that is, on interpsychic in Vygotskian sense. The author then carries on with describing the main difficulties arising when one attempts to develop the issue of interpsychic within the psychological science. The function that is distributed between the child and adult cannot be objectified (it was Vygotsky's attempt to do so that resulted in the narrowing of this issue). Furthermore, reflecting upon the intersubjective status of some mental forms enables one to think that every mental function remains interpsychic throughout the existence. In the author's opinion, such interpretation is absolutely essential, but requires considerable changes of the philosophy and methodology in the development of this issue.

Keywords: interiorisation, interpsychic, early ontogenesis.

References

1. *Apel' K.-O.* Transformaciya filosofii. M., 2001.
2. *Ahutina T.V.* L.S. Vygotskii: kul'turno-istoricheskii i estestvenno-nauchnyi podhody k interiorizacii // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologiya. 2004. № 3.
3. *Bahin M.M.* Problemy tvorchestva Dostoevskogo. Kiev, 1994.
4. *Brushlinskii A.V.* Problemy psihologii sub'ekta. M., 1994.
5. *Vitgenshtein L.* Filosofskie issledovaniya. M., 2010.
6. *Vygotskii L.S.* Istoriya razvitiya vysshih psihicheskikh funktsii // Vygotskii L.S. Soch.: V 6 t. T. 3. M., 1983.
7. *Vygotskii L.S.* O psihologicheskikh sistemah // Vygotskii L.S. Soch.: V 6 t. T. 1. M., 1982.
8. *Gusserl' E.* Krizis evropeiskikh nauk i transcendental'naya fenomenologiya. SPb., 2004.
9. *Dunaikin M.L.* Neiropsihologicheskii analiz narushenii psihicheskogo razvitiya detei pervogo goda zhizni s perinatal'nym porazheniem mozga: Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2002.
10. *Kovalev G.A., Radzihovskii L.A.* Obshenie i problema interiorizacii // Voprosy psihologii. 1985. № 1.
11. *Krichevets A.N.* Apriori, sposobnost' suzhdeniya i estetika // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 7. Filosofiya. 1996. № 3.
12. *Krichevets A.N.* Ob apriornosti, otkrytykh programmah i evolyucii // Voprosy filosofii. 1997. № 6.
13. *Krichevets A.N.* Cogito, Drugoi i predstavleniya o psihicheskome // Psihologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurn. 2010. № 5(13). URL: <http://psystudy.ru>.
14. *Kuain V.* Ontologicheskaya otnositel'nost' // Sovremennaya filosofiya nauki. M., 1996.
15. *Matyushkin A.M.* Posleslovie // Vygotskii L.S. Soch.: V 6 t. T. 3. M., 1983.
16. *Mesheryakov B.G.* Stadii razvitiya VPF i ih empiricheskikh referentov: rekonstrukciya implicitnoi koncepcii L.S. Vygotskogo // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologiya. 2004. № 3.
17. *Petrovskii V.A.* Myslyu? da! No sushestvuyu li? // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2011. № 3.
18. *Puzyrei A.A.* Psihologiya. Psihotekhnika. Psihagogika. M., 2005.
19. *Sartr Zh.-P.* Bytie i nichto. M., 2000.
20. *Sergienko E.A.* Rannee kognitivnoe razvitie: novyi vzglyad. M., 2006.
21. *Tomasello M.* Istoki chelovecheskogo obsheniya. M., 2011.
22. *Moll H., Tomasello M.* Cooperation and human cognition: the Vygotskian intelligence hypothesis // Phil. Trans. R. Soc. B. 2007. № 362.